

Д-р Антон Веберн

Быть оригинальным – не сложно. Будь самим собой. Эту мудрость из области житейского здравого смысла неплохо бы вспомнить, когда речь идёт о Веберне.

Одни называли его сумасшедшим, другие назначали главой *модернизма*, третьи – выражая монаршую благосклонность, «возвышали» до статуса своего *предтечи*. Всех ослепляла новизна, новаторство. И мало, кто – кроме самих нововенцев, конечно – понимал, что истинные новаторы выходят из консерваторов.

Многие почитающие Веберна так и не стали полноценными сочинителями, потому что перед ними маячил стиль неотрывный от личности, – но не метод.

А Шёнберг не плодил себе подобных и не учил методом имитации какого-либо стиля. Он умел возвратить ученика к себе самому, возвращая в нём что-то очень важное, чрезвычайно существенное: то, чего современной музыке явно не хватает, либо отсутствует в ней полностью: Шёнберг преподавал искусство, и его искусство выросло из высочайшего уровня ремесла. Преподавая гармонию, он воспитывает в ученике логику и единство стиля, раскрывает значение тональной системы, богатство которой станет прообразом того, что сделают его ученики в условиях новой атональной гармонии. Преподавание теории формы и анализа имело целью создать в ученике качество *мыслителя* в области музыкальной формы.

Мне это стало ясно чуть ли ни с первого часа моих занятий у Филиппа Гершковича. Его воспоминания о Берге и Веберне (Гершкович был учеником обоих) не носили характер мемуаров. Он недолго любил этот жанр, и, будучи человеком весьма чутким, всегда старался избегать сантиментов. У меня на памяти его высказывания и некоторые цитаты из Берга и Веберна, никогда не произносившиеся им без определённого конкретного повода.

– *Музыкальная мысль должна быть выражена предельно ясно, просто. Другое дело, если сама мысль сложна...* (Веберн).

– *Музыка Веберна красива, как музыка Моцарта; Моцарт тоже непопулярен...* (А.Берг)

– *Берг и Веберн – заливы того моря, имя которому Шёнберг.* (Гершкович).

– *Не было такого урока у Веберна, на котором бы он не произнёс имя Шёнберга.* (Гершкович).

И я понимал, что мысль Шёнберга для Веберна всегда была отправной точкой, опираясь на которую можно было идти в своих рассуждениях дальше.

– *Что бы ни делал Веберн, он делал это чрезвычайно серьёзно.* (Гершкович).

Помню, историю о том, как однажды в присутствии Веберна кто-то сказал, что «в периоде **три** предложения». Веберн был взбешён до такой степени, что в состоянии крайнего возмущения просто не находил слов. Насколько ясно было в его сознании, что сущность формы периода, принцип периода (Шёнберг сказал бы «школьная форма») – это **два** предложения, **два** каданса; это – теза и антитеза. Период – это вопрос, постановка проблемы *кто есть кто*. **Два** каданса – это проблема выбора: кто из них тоника? или кто из них доминанта?..

Вот в моих руках текст веберновского письма.

Филипп Гершкович,

который вот уже ряд лет учится у меня по композиции, заслуживает горячую рекомендацию.

Со всей убедительностью, очевидно, что я считаю его прежде всего выдающимся композиторским дарованием, и это должно быть оценено совершенно особо.

Я убеждён, что от его способностей, – в какой бы то ни было музыкальной области, – в особенности, однако, композиторской и теоретической (а также в области преподавания и научных изысканий) следует ожидать исключительно важного.

Поэтому я могу только желать, чтобы Филипп Гершкович встречал возможное содействие

*Д-р Антон Веберн
Мария Энцерсдорф близь Вены
Аухольц 8*

Письмо это, по-видимому, было написано в день их последней встречи. В Австрии Гершковичу уже давно нельзя было оставаться, но только в 1938-м появилась возможность бежать. Что должен был чувствовать Веберн?.. Он понимает, что помочь своему ученику ни чем не сможет. Он, даёт напутствие; то есть, как всегда говорит о том, чем живёт – о музыке. И он пишет это рекомендательное письмо... Но кому? Куда? Кто знал его тогда в Румынии или СССР? Тогда ему было – 55, и смешно сказать, что он мог быть популярным, или широко известным. И вот это письмо, оно для всех и никого в частности... Но тогда, вообще говоря, разве не всё равно, что в нём писать?

Нет, Веберн – другой человек, другой музыкант. Он живёт в Истории, и поэтому всегда остаётся верен себе (и «что бы он ни делал, он делает это чрезвычайно серьёзно»). Он пишет блестящую и бесполезную рекомендацию, которой Гершкович «сможет воспользоваться» лишь после своей смерти. (Я включил её в посмертно изданную книгу теоретических работ Гершковича).

А в 1938-м, Гершковичу 32, и ещё ничто не предвещало того, о чём пишет Веберн. Думаю, что и в 1990-м под этой запиской некому было подписаться. Изданная в 1990 году книга была первой (!) публикацией его работ в России.

Но в 1938-м эту записку подписал Веберн!.. Стоит ли удивляться, что она оказалась пророческой.

Леонид Гофман

для WOERTERSEE CLASSICS FESTIVAL (Австрия)